

Тринадцать / рассказ

Category: Heкаýalar, Kitарсу

написано kitарсу | 24 января, 2025

Тринадцать / рассказ ТРИНАДЦАТЬ

...пойди и скажи этому народу: слухом услышите – и не уразумеете, и очами смотреть будете – и не увидите. Ибо огрубело сердце народа сего, и ушами с трудом слышат, и очи свои сомкнули, да не узрят очами, и не услышат ушами, и не уразумеют сердцем, и не обратятся, чтобы Я исцелил их.

Книга пророка Исаии 6:9,10

Танник вылез из кабины квадролета и в сердцах чертыхнулся. Угораздило же приземлиться на этом богом забытом острове! Да уж, «острове»... Воды вокруг него давно уже не было. Фактически, это был не остров, а колоссальный пик, тянувшийся к небу из глубокой расщелины. Казалось, что расщелина уходит вниз до самого центра Земли... или до самого ада. Юношу передернуло.

Первое же самостоятельное путешествие на квадролете – и такая неудача! Что-то попало в задний винт, и пришлось резко снижаться. Бортовой компьютер сообщил, что ближайшей пригодной для приземления площадкой является заброшенный аэродром на плоскогорье Ольхона. Но аэродромом там и не пахло. По пояс заросший травой небольшой луг, не более того. Как же были примитивны древние обитатели большой земли – использовать для воздушных полётов природные объекты!

Вдали виднелись то ли чьи-то силуэты, то ли какие-то постройки. Танник вздохнул и тряхнул рыжей головой. В конце концов, это же путешествие – так почему бы не воспользоваться случаем и не узнать, что таится в самом сердце Дикой Евразии?

Люди оставили эти места не менее трех веков назад. Сейчас лишь самые бедные станут селиться на земле, да и то на полоске шириной в пять миль вдоль океанских побережий. А средний класс и Управители селятся на искусственных спутниках, парящих на

орбите в верхних слоях атмосферы. Никому и в голову не придет проводить много времени в глубинах материков, разве что каким-нибудь сталкерам или климатологам. Слишком уж сухо и жарко, да и интересного мало...

Танник расстегнул воротник скаф-костюма и решительно зашагал к маячившим вдали строениям. Румяный и крепкий, он, тем не менее, быстро выдохся, — притяжение на земле ощутимо больше, чем на орбите. Граница «аэродрома» проходила практически по краю ущелья, откуда внезапно пахнуло сырым и режущим ветром. Раздался глухой подземный рокот, будто сердитый великан негодовал на то, что его разбудили. Юноша съежился, нащупывая кнопку улучшенного термостатирования, и нахмурился, — что за нечеловеческие, просто адские условия! — но не остановился. Загадочные постройки все еще манили его. Не добредя до самых больших из них метров двести, Танник наткнулся на возвышавшуюся посреди поля гранитную стелу, окруженную остатками ржавой ограды. Вот что за силуэты привиделись юноше в степи!

Хото баабай медленно, с наслаждением курил свою трубку, набитую можжевельными иглами. Маленький, сухой, с торчащими со всех сторон перьями, он выглядел частью пейзажа, таким экзотичным останцем на вершине мыса. Вечернее солнце тянуло щупальца лучей сквозь небосвод, чтоб согреть старый известняк, на котором сидел тенгри. Светилам не ведомы страхи или сомнения. Даже когда грань между Средним и Нижним мирами стирается, как в это время, в закатный час на Ольхоне, льют они свое сияние и на живых, и на духов. Тенгри затянулся глубже и медленно выпустил волны дыма в каньон. Откуда-то снизу послышался глухой гул, будто недра земли вдруг вскипели в возмущении на того, кто нарушил их благостный и сырой туман.

— Эй, Эрлен, хватит уже сидеть у себя там, в темноте! Выйди, посмотри вместе со мной на дивный закат! Гэрэлт Наран вон как небо раскрасил!

Из ущелья вырвался почти ураганный ветер, неся с собой запах прелости и водорослей. Вслед за ним на уступ скалы вскочил Владыка Подземного Мира и встал во весь громадный рост, подбоченясь и сердито глядя на сидящего.

– Не стой, брат, садись. Отдохни немного от забот.— Хото баабай дружелюбно махнул рукой. Эрлен скривился.

– Разве я больше не хан, что ты опускаешь мой титул? Или дел в мире духов стало меньше за последние годы, что пренебрегаешь мной? Эх, видел бы ты, что там творится, – Эрлен-хан тяжело вздохнул и уселся на скалу рядом с братом, оправив тяжелую шубу из семи медвежьих шкур. – Вызвал меня на свою деляну, а у меня в царстве забот невпроворот.

– Знаю, брат, и вижу. Разве твой мир – не отражение моего? С тех пор, как великий Байкал высох, и люди ушли с этих земель, только слезы зверей наполняют Тойбодым. Скоро мне и хозяевам Ангары, Иркуты, Кяхты и Турана нечего будет делать здесь.

– Кто же назовет нас ханами, коли нет людей? Некому теперь чувствовать сыновей Неба. Без их молитв сила наша тает. Разве что сами будем величать друг друга, – ткнул брата в бок Эрлен-хан, и впервые на лице Владыки Нижнего мира промелькнула хмурая улыбка.

– Случится то, что должно случиться, брат, и нет смысла беспокоиться. Мы всегда были в этом мире как запах льда в морозный день, танцевали с солнечным ветром и волнами времени. И если теперь нам осталось танцевать всего несколько мгновений, то на что ты потратишь их? На сетования и заботы? – Хото баабай снова затянулся и закрыл глаза. – Давно здесь не было такой хорошей погоды. Я слышу отсюда щебет каждого кузнечика на Песчаной косе.

– Если земля эта умрет, то и мы исчезнем. Созовем Тринадцать, решим, что делать дальше. – Эрлен-хан свистнул, и на мыс вскочила размытая чёрная тень, похожая на коня. – Лети, Ажирай-бухэ, зови нойонов на Шаманку, совет держать будем!

Юноша осторожно потянул на себя калитку, которая бесшумно упала на одеяло из трав и рассыпалась в пыль. Танник шагнул внутрь. Буквы эпитафии, высеченные на граните, почти стерлись от дождей и ветров, но керамическая фотография была цела. С нее смотрела темноволосая девушка монгольской внешности в рубашке (или мундире?) с наглухо застегнутым воротничком. Танник прикоснулся к стеле. В его городе, парящем над землей на высоте более ста километров, никто не стал бы тратить драгоценное пространство на памятник.

Какой была она, видевшая бескрайние весенние луга, владевшая простором и после смерти? Казалось, миловидное лицо улыбается ему, а камень теплый и подвижный. Юноша встряхнулся.

– Чертов материк, от концентрированного воздуха уже галлюцинации вижу! Надо быстрее выбираться отсюда! Только вот до тех домиков дойду...

Хан Хото баабай прислушался к удаляющемуся цокоту копыт, задумчиво пуская клубы хвойного дыма в сторону Нюрганской Губы, улыбнулся и приоткрыл один глаз.

– А видел ли ты, брат, человека, что высадился сегодня на Песчаной Косе?

Эрлен-хан удивленно присвистнул.

– Кто этот безумец, я хочу на него взглянуть!

– Да вон, над степной могилой склонился. Давай, шугани его там! – Хото баабай пихнул брата в бок и рассмеялся. – А ведь не зря он сюда залетел! Готов поспорить на свою трубку, что он услышал тебя, брат, когда ты только поднялся сюда из глубин Нижнего мира. Не пропал-таки в людях природный дух, есть кому вручить дар шаманства.

– Может, он что-то и услышал, но не более, чем крик омуля из-под льда Байкала. – Эрлен зверски скривился и исчез, чтобы взглянуть на незваного гостя из могильного памятника. Через мгновение он уже снова сидел на скале рядом с Хото баабам и злобно улыбался. – Люди в погоне за вселенским могуществом давно уже утратили способность видеть что-то поверх своих эгоистических устремлений. Я в этом уверен, ведь это я вручал бубен первому каму их предков. А твоя трубка сослужит мне славную службу, укрепляя своим жаром мост через Тойбодым, брат.

Хото баабай покачал головой.

– Помнишь ли, Эрлен, время, когда всю эту землю наполняла вода? Когда плавали в ней дикие и бесхитростные существа, любившие нас как братьев? Мы ходили между ними и были счастливы. Помнишь ли время, когда Гэрэлт Наран осушил океан и существа эти расплодились, разделились на народы и племена, ходили войнами друг на друга и призывали нас в защиту? Мы вселяли благоговейный трепет в их сердца и были счастливы. Помнишь ли время, когда на земле воцарился мир, и нас перестали бояться, но приходили к нам за мудростью и даром провидения? Мы делились с ними своими богатствами и были счастливы. Что изменилось для тебя, брат, или ты потерял свою проницательность?

– Может быть, я просто слишком давно не видел солнечного света, – улыбнулся Эрлен-хан. – Что ж, пора встречать наших братьев.

Пара ветхих избушек стояла практически на краю обрыва. В оконных проемах не осталось ни намека на рамы, штукатурка лежала тонким слоем пыли на полу, и даже кирпич кое-где осыпался. Там, где раньше была дверь, зияла огромная дыра, смотрящая прямо на обрыв.

– Когда внизу плескалось озеро, вид с порога, должно быть, был

очень красивый... – задумчиво пробормотал Танник. – Может быть, мы больше потеряли, чем приобрели, покинув большую землю? Легкий ветерок коснулся его щеки, принеся аромат можжевельного дыма. «Пожар?» – только успел подумать юноша, поворачиваясь на запах. В семи километрах слева, над двугорбым мысом, пламенел закат.

Бесшумно опустился на камень хозяин Саган-Заба, всевидящий Бурал Саган, вместе с женой, синеокой Хуга саган-хатун. Скользнул на утес и склонился в поклоне переливающийся всеми оттенками речного и прибрежного Заргачи, взмахнул пыльным лисьим хвостом бык-Ажирай. Прискакал, взметнув клубы известковой пыли, Буха-нойон, воплотилась ослепительная Зулмата, прекраснейшая из всех женщин, и, закрыв на миг закатное солнце, приземлился Шубуу-беркут.

Хото баабай неспешно встал и осмотрел собравшихся нойонов. На лице его на миг промелькнула задорно-самодовольная улыбка.

– Вы все знаете, братья, что люди вот уже триста лет не селятся в наших краях. Реки и озера пересохли, леса сгорели заживо, а с ними и звери, что обитали на этой земле. Разорили сыновья человекав землю, расхитили наши тайные богатства, а сами ушли. В поисках пищи птицы улетели к побережью океана, и ни одной живой души не осталось в наших владениях. Некого больше защищать здесь, и все мы стали малы и слабосильны. Кроме брата Эрлен-хана, разумеется, – хан Хото хитро прищурился. – У него единственного пока что работы по горло.

– Зачем ты говоришь об этом, Правитель? – заклекотал, распушив перья, Шубуу. – Зачем повторяешь то, что известно нам всем? Разве от напоминаний вернется вода в Великое Море и заплещется там омуль и таймень? Или слова твои воскресят нерпу, соболя и кабаргу и наполнят леса стадами оленей, а небо – чайками, орлами и рябчиками? Хото баабай улыбнулся.

– Помните ли вы, братья, времена, когда гул шаманских бубнов наполнял эту землю? Когда призывали нас люди, и через них мы вершили могучие дела? Тогда у каждого из Тринадцати был свой шаман – хранитель, исполняющий волю нойона на земле. Разве не можем мы возродить древний обычай?

Совет взволнованно зашумел.

– Кто же из нынешних сынов человеческих согласится! – замычал Буха.

– Ни один из этих немощных летунов не чтит обычаи предков! – воскликнула громкоголосая Хуга саган-хатун.

– Я уже пробовал довериться сыну людей, и он подвел! – взревел Ама Саган, хозяин Нижней Ангары.

– Все их мужчины слабы и недальновидны, а женщины мелочны и эгоистичны, оттого и испортили они землю, не смогли мудро управлять доверенным даром, – медленно и гневно произнесла прекрасная Зулмата.

На миг воцарилась тишина.

Ажирай таинственно улыбался, закутавшись в пышную шерсть. Его огненный хвост танцевал в воздухе, отгоняя можжевеловый дым из трубки Хото баабая в сторону Песчаной Косы.

– А что, если я скажу вам, что подходящий человек уже здесь, и по своей воле? Взгляните, там, на Песчаной Косе, – хан Хото указал на восток. – Видите?

Он встал во весь рост и оправил куний пояс.

– Я войду в его сунесу через правую подмышку и смешаю человеческие стремления с моими. Сердца их оторваны от земли и оттого грубы с рождения. Я дам ему новое сердце, нежное. Он будет слышать вздох каждой рыбы и песню каждой птицы, чують радость танца каждого зверя, и душа его станет сестрой их душам. Он призовет сюда новых людей, и тогда, все вы, братья,

получите Хранителей, а наша земля вернет свою силу. Перестанут сыновья человеков искать братьев по разуму на небе, а увидят их здесь, на земле, в лесах, степях и морях. Они уже не будут растрачивать богатства земли, а начнут приумножать их, вплетаясь в Волокна Мироздания новыми, крепкими нитями. Нойоны одобрительно закивали. Хото баабай подпрыгнул и растворился в воздухе. На скалу мягко опустилось орлиное перо.

Последний луч солнца мигнул и погас за горизонтом. «Надо уже возвращаться к квадролету», – подумал Танник.
– Ай, да чтоб тебя! – внезапно вскрикнул юноша, потирая правую подмышку. – Ну и комары здесь, как лошади!

Об авторе: МАРИЯ ЗАХАРОВА

Родилась и выросла в г. Волжском Волгоградской области. Окончила Волгоградский государственный технический университет. Инженер-конструктор в ракетно-космической корпорации «Энергия» им. С.П. Королёва. Лауреат конкурса «Творческий Королёв-2019». Печаталась в альманахах «Финист» 1,2, «Истоки». Neкаýalar